

Злата Лисова

18+

НАСЛЕДСТВО ЗОЛЗАИ

Злата Лисова

Наследство Золзай

«Автор»

2026

Лисова З.

Наследство Золзаи / З. Лисова — «Автор», 2026

Девушка приезжает в дом бабушки в Бурятии, чтобы прикоснуться к корням, а оказывается в эпицентре древней борьбы: сквозь монгольские степи и бурятские земли тянется цепь оберегов — узоры, знаки, каменные идола, — призванных держать закрытыми врата Хтони. Тайны монгольского народа, бережно хранимые веками, переплелись с бурятской памятью: обряды и предания стали не просто легендами, а щитом от мглы, грозящей поглотить мир. Теперь судьба равновесия зависит от того, сможет ли героиня пробудить родовую силу у берегов Байкала — там, где вода и лунный свет открывают путь к древней защите.

© Лисова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Минии гэрэл	5
Глава 2. Дитя Хтони	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Злата Лисова

Наследство Золзай

Глава 1. Минии гэрэл

Старый, ещё советский автобус, кряхтя и отдуваясь пылью, привёз меня на конечную. Двери раскрылись с тяжёлым выдохом — и вместе со мной в звенящее от цикад лето вышла пожилая женщина. Но такая, что я замерла на миг, забыв про усталость.

Чем может удивить бабушка? Внешностью. Сухие, будто выбеленные солнцем, волосы двумя косами сбегали по плечам на грудь. В косы вплетены бежевые ленты с незнакомым орнаментом — не то славянским, не то степным, не то вовсе ни на что не похожим. Платье в пол, чёрное, как летняя степь перед грозой, а по подолу — золотая вышивка. Звёзды? Цветы? Может, и то и другое сразу, сплетённое в один узор, будто сама природа нарисовала его тёплыми летними лучами.

Я подала ей руку — из вежливости, ведь испугалась: высокая ступень, старые кости. Она приняла ладонь с лёгкой улыбкой благодарности. Пальцы у неё были сморщенные, как осенние листья, и на них горели два кольца. Одно — цвета воска, матовое и тёплое. Второе — фиалковое, будто крошечный каменный цветок, вобравший в себя сумерки. А из-под рукава скользнула тень татуировки: песочные треугольники уходили под ткань, не давая разглядеть себя до конца.

Мы сразу коротко, но тепло попрощались. Она пошла своей дорогой, я — своей.

А моя дорога вела к дому прабабушки. Я наконец добралась до родной Бурятии — поймала тот самый, короткий, как вздох, миг, когда лето раскрывается во всей красе.

Здесь всё дышало июньской свежестью. Трава была густой и щедрой — она не просто танцевала на ветру, а словно гладила ноги, и каждый шаг оставлял за собой влажную, ласковую волну. Я шла вдоль пологих сопок, укрытых цветными коврами из полевых цветов. Янтарные жарки горели под солнцем, будто угольки, рассыпанные чьей-то щедрой рукой, а рядом, розовато-лиловым облаком, стелился багульник. Он уже отцветал — ещё несколько дней, и лепестки облетят, оставив лишь память и тонкий, сладковатый запах.

Недалеко от дома ба расположилось маленькое озеро. Оно встретило меня тишиной, и я остановилась. Гладь воды нежно переливалась, точно кто-то дышал на неё тёплым воздухом. По поверхности скользили водомерки — быстрые, невесомые, будто сама река времени, отсчитывающая секунды на лапках. Над водой порхали стрекозы, их крылья отливали перламутром, ловя яркие лучи солнечного дня.

Я вдохнула полной грудью — так глубоко, что закружилась голова. Как же хорошо! Дома. Здесь даже воздух родной — с горчинкой трав, с далёким обещанием дождя, с чем-то неуловимым, что не спутаешь ни с чем.

Перед глазами медленно, почти лениво, пролетела бабочка. Крылья — тёмно-фиолетовые, глубокие, как друза аметиста. Редкая гостья из семейства голубянки. Я замерла. Голубянка значит, где-то рядом миндаль. Огляделась, всматриваясь в каждый куст. Нет, не увидела. Спрятался. Или, может, растёт в другом месте — природа не всегда отдаёт свои тайны с первого взгляда.

Решила не задерживаться. Путь был долгим: самолёт, поезд, автобус. Тело налитое усталостью, как соты мёдом. Пошла дальше.

Солнце висело высоко и щедро красило макушки деревьев в салатовый. В тени те же листья казались глубокого, почти чёрного зелёного цвета. Свет и тень играли в прятки, и я шла

сквозь эту игру, как сквозь бесконечный, живой коридор, где каждый луч солнца пробивался сквозь листву, рисуя на земле причудливые узоры.

И вдруг манящий запах налетел тёплой волной, обнял, потянул за собой. Точно! Пасека. Рядом с бабушкиным домом когда-то гудели ульи. И если запах до сих пор здесь — значит, и мёд мне обеспечен. Я представила, какой он густой, золотой, с янтарным отсветом, как те жарки на сопках.

Улыбнувшись, я прибавила шаг. Вдали, меж низкими сопками, на краю улицы, стала виднеться деревянная изба.

Вот он — родной дом моей бабули.

Я медленно толкнула низкую деревянную калитку, и она отозвалась несчастным, протяжным скрипом. Так скрипит только старое дерево — не со злостью, а с памятью о тех, кто открывал её до меня.

Когда-то ухоженный сад превратился в непроходимые заросли. Кусты малины и голубики расплозились по участку, почуяв полную свободу после того, как моя прабабушка отошла в мир грёз. На мгновение в сердце остро кольнуло. Я вспомнила тёплые руки бабули и её приятный, мелодичный голос. К счастью, она оставила мне только самые светлые воспоминания — те, что не жгут, а греют.

Я неспеша направилась к входу. Маленький деревянный домик смотрел на меня слепыми окнами и будто ждал нового хозяина, который будет заботиться и любить. Крыша исхудалась, стены требовали срочной покраски. И только бирюзовые наличники — бережно вырезанные прадедом, с цветами и листьями, — до сих пор держались молодцом. Ба их очень любила и красила каждый год. Теперь это буду делать я.

В нос ударил густой, пленительный, почти телесный запах чёрной смородины. Кусты, посаженные у окна кухни, разрослись в целую стену. Я замерла на секунду, вдыхая эту сладкую терпкость. Среди ягодного кустарника пробивались головки цитриновых цветов — кукушкины сапожки. Вот это сюрприз! Ба таки смогла вырастить их в саду. Упрямая. И я вся в неё.

Я медленно вставила ключ в навесной металлический замок и повернула. С грохотом он рухнул на землю — я не успела поймать. Звук прокатился по двору и затих где-то в малиннике.

Дверь открылась с тихим стоном. Я неспеша побрела по старому дому. Пахло деревом, сыростью и пылью. Надо раскрыть все окна — проветрить, прогреть, пока погода солнечная. Пусть дом вдохнёт лето.

С этими мыслями я быстро прошла на кухню, где стояла старая кирпичная печь — царица дома. Гэрэй хатан, как говорила бабуля. Она могла обогреть и накормить — молчаливая, надёжная подруга. Там я открыла окно, и вкусный, тёплый воздух ворвался в помещение.

Пока я аккуратно стирала пыль со стола, за окном промелькнул тёмный силуэт — всего на долю секунды. Я готова поспорить: та самая бабушка из автобуса. Может, заблудилась?

Быстро вышла на крыльцо, огляделась — никого. Только ветер тронул ветку смородины, и та качнулась, шелестя изумрудными листьями.

Я уже хотела вернуться в дом, как внимание привлёк яркий блеск под окном. Подошла ближе, взгляделась.

На земле, меж тонкими и острыми листьями житника, лежало кольцо. Красивое, с изумительным узором, а в центре — красный камень, глубокий, как застывшая капля вина. Полуденное солнце отражалось от камня, придавая ему ярко-алый, почти пульсирующий свет. Странно... Не помню у бабули таких украшений. Заглянула за дом — может, там кто-то есть. Но ничего, кроме увесистых яблонь и слив с крошечными зелёными плодами.

В раздумьях я прошла на кухню и положила кольцо на стол. Пока не до него. Нужно вытряхнуть ковры, подушки, протереть везде. И я с энтузиазмом, несмотря на усталость, принялась за работу.

Солнце уже склонялось над горизонтом, ласково согревая розовато-жёлтыми переливами макушки вековых сосен. Они виднелись из окна, словно молчаливые стражи, охраняющие покой этого летнего вечера. Я наконец закончила дела и решила порадовать себя чёрным чаем с местными ватрушками — шаньгами.

Вечера в Бурятии прохладные. Свежесть, которая несётся от Байкала по лесам, доходит и до моей деревни. Я с наслаждением вдохнула вечерний воздух с цветочными нотками, влетающий в открытое окно. Где-то запел свою чарующую песню соловей. Его прекрасная мелодия успокаивала, поднимала настроение и отзывалась в сердце, будто шёпот далёких предков.

Делая очередной глоток любимого жасминового чая, я вновь бросила взгляд на кольцо. Оно блестело и манило меня. Я поставила фарфоровую чашку и взяла его в руки.

Оно было настолько красивым, что пробудило почти детское желание — примерить.

Как только я надела кольцо на безымянный палец, оно словно вспыхнуло на руке. Готова поклясться — я почувствовала запах сушёных трав и чего-то сладковато-приторного, будто кто-то разом открыл все летние сундуки с ароматами.

Всё вокруг потемнело.

Передо мной возник силуэт. Низенькая женщина в льняной рубаше и штанах. Поверх — халат цвета индиго, а на нём — красная, будто шёлковая, безрукавка, увешанная металлическими пластинками, которые тихо позвякивали при движении. Было сложно рассмотреть детали, но одно я поняла точно: в монгольском национальном костюме передо мной стояла моя прабабушка.

— Золзая... — невольно вытянула я имя бабули, не в силах поверить. — Минии гэрэл, — улыбнулась она.

И я поняла: это точно она. Всегда называла меня своим светом.

— Ты такая взрослая уже, — прабабушка стояла и осматривала меня, и в глазах её было столько любви, что у меня перехватило горло. — Я рада, что ты приехала. И больше рада, что теперь ты продолжишь моё дело. — Какое дело? — Всему своё время, дорогая. А мне пора.

Она подняла руки и остановила их перед собой — словно хотела обнять, но не могла. Воздух между нами задрожал, будто от наэлектризованной тишины.

— Иди к Аян. Она подскажет. Я люблю тебя.

Не успела я спросить, кто такая Аян и зачем мне к ней, как прабабушка испарилась. Только лёгкая дымка осталась в воздухе — и тут же летний ветерок ворвался в окно, заноса зелёные листья в дом. Они закружились по полу, словно прощальный танец, и затихли у моих ног, оставив после себя лишь тёплый запах лета.

Глава 2. Дитя Хтони

Списав видение на дикую усталость, я решила пойти спать. Встав из-за стола, ещё раз внимательно посмотрела на кольцо — оно словно пульсировало в полумраке, будто хранило в себе отголоски забытых тайн и историй. Но... «Не существует магии. Всё это бред, абсолютный, никак не доказанный наукой», — уверяла себя я.

Как назло в памяти проскальзывали бабушкины советы — тягучие, словно густой летний мёд, будто заговор, записанный в самой ткани воздуха. «Можжевательник у двери держи, чтобы зло не прошло», — шептала она, и в этих словах таилась древняя сила, которую я не могла объяснить. Или: «Идёшь к плохому человеку — надень на шею толи» (маленькое круглое зеркальце), «а коль пообщалась с таким и плохо чувствуешь — окури себя и квартиру чабрецом или пихтовой корой». Её слова, как нити, сплетались в узор судьбы, и я чувствовала, что за ними кроется нечто большее, чем просто суеверия.

Я всегда искала этому логичное объяснение. Дым, конечно, мог очищать дом от вирусов. Но остальное — под вопросом. Будто сама земля шептала мне тайны, которые я ещё не умела прочесть.

С этой мыслью подошла к окну. Кроны деревьев поглотил ночной сумрак, и травяной цвет листвы стал цвета тёмного мха — глубокого, почти чёрного. В тишине послышалось лёгкое шуршание крыльев. Я повернула голову как раз в тот момент, когда мимо пролетела ночная бабочка-совка. Её синевато-светло-серые крылышки, невесомые, будто присыпанные пеплом, трепетали в воздухе, словно она несла с собой послание из другого мира. Её грациозность восхищала — будто она знала то, чего не знала я. Вдали застрекотали кузнечики, их стрекот сливался в мелодию, которая, казалось, складывалась в монотонное убаюкивающее звучание.

Я прикрыла ставни. Они со скрипом захлопнулись, будто кто-то вздохнул за стеной. Надо смазать петли. Наверняка в сарае у ба найдётся какая-нибудь смазка — или, может быть, что-то подходящее. В целом не плохо бы завтра осмотреть амбаар.

Строя план на следующий день, я пошла в дальнюю комнату. Там, у стены, под деревянным окном, с легкими голубыми занавесками, стояла старая железная кровать, словно страж забытых снов. Я щёлкнула выключатель, и с грустью осознала: лампочка перегорела. Придётся затеплить свечку. Где-то я её видела...

Пока искала и рылась в одном из куханных шкафчиков, мимо ног словно кто-то пробежал. Я точно почувствовала прикосновение чего-то мягкого и пушистого. Комната стала полна едва уловимым ароматом, будто лёгкий порыв ветра, принёс с собой запах далёких гор и древних ритуалов. Пока я пыталась понять откуда столь странное благоухание, едва коснувшись ноги, вновь что-то пробежало. «Только не мыши. Пожалуйста. У пра их никогда не было. Я даже не знаю, как с ними бороться», — пронеслось в голове.

Быстро схватила свечку и уже аккуратно, затаив дыхание, ступая по скрипучему полу, направилась обратно в комнату. Боялась на кого-нибудь наступить или вообще раздавить, того, кто живёт в тенях этого дома.

После второго чирканья спичка наконец зажглась. Я поднесла её к фитилю — и сладкий, медовый воск потёк, оставляя следы плавления в виде слёз. Запахло пасекой. Помню, пра всегда хранила запасы воска — целый ящик был. Этот запах мгновенно перенёс меня в прошлое: в жаркий день, когда пчёлы гудели над цветами, а воздух казался густым и тягучим от цветочной пыли. Но теперь в этом запахе таилась странная, тревожная нота — было ощущение, что кто-то рядом есть и он смотрит на меня из темноты, поскрипывая меж стен.

Я присела в тусклом свете на кровать и внимательно посмотрела на огонёк. Он подрагивал, и вместе с его танцем в воздухе поплыло моё сознание. Мысли понесли меня куда-то впе-

рѣд. Передо мной образовался огромный чёрный тоннель, по которому я неспеша шла, словно следуя за мерцающей нитью судьбы.

И вдруг — летний день. Мне лет девять. Я сижу на кухне, колени в свежих ссадинах. До этого я шла по дороге домой, и меня снесла с ног соседская рыжая корова. Она словно взбесилась, была готова затоптать. Но откуда ни возмись появилась бабуля, что-то сказала — на бурятском или монгольском, я не поняла, — и корова тут же успокоилась. Просто отошла в сторону, будто ничего и не было. Её слова, словно заклинание, остановили бурю и спасли меня от верной смерти.

Ба взяла меня на руки и, причитая: «Үхибуундэ хараал табиба!» (Наложили порчу на ребёнка!) — понесла в дом. Посадила на стул, быстро обработала раны, зажгла какую-то хвою и стала за спиной что-то шептать. Помню: запахло чем-то травяным, достаточно сладковатым, с лёгкой терпкостью — как будто смешали чабрец, полынь и мёд, а потом добавили немного огня. Над головой зашипело, и я почувствовала, как воздух вокруг меня стал густым, почти осязаемым. Я хотела было посмотреть, но ба строго сказала: «Не вертись как волчок». Позже очень захотелось спать, и я так же пришла на эту кровать и легла. Бабуля бережно накрыла меня своим шерстяным платком и ушла в сад, где уже звенели цикады и пахло нагретыми листьями, а в воздухе витала тайна, которую я тогда не могла понять. Картинка стала терять цвет и вовсе пропала.

Я вновь иду по тёмному тоннелю. По сторонам мелькают картинки из моей жизни. Странно: я ничего этого не помнила. До этого момента.

Вот я ещё младше. Волосы распущены, одета в льняное платье или рубашку, что-то очень свободное. Солнце уже спряталось за горизонтом, мгла заволокла полнеба. Но было тепло, словно последний жар уходящего лета, который хранит в себе силу и тайну, отказываясь передавать права холоду и слякоти. Пел соловей, вокруг летали ночные бабочки, их крылья мерцали в сумерках, будто крошечные звёзды, танцующие в вечном ритме вселенной.

Золзая тогда отвезла меня к Байкалу и попросила зайти в него по колено, как она скажет. Я кивнула. Мне было интересно. Мама и папа никогда не позволяли не спать ночью, а тут — гуляешь, да ещё и в озеро можно окунуться.

Пока ба занималась своими делами — разжигала костры — я осматривала ночные пейзажи. С суровых скал скатывались густые леса. Какие там деревья было не видно. Сумрак поглотил их, лишь макушки слегка светились под светом ночного солнца. Но я была уверена — это сосны. По берегу влево уходили бескрайние песчаные пляжи. Мы стояли меж вековых деревьев, и от них веяло прохладой, смешанной с запахом смолы и нагретой земли, а между стволами, казалось, скользили тени забытых духов.

Над озером закричала резко и пронзительно чайка. Я обернулась. Кобальтовое небо, усыпанное мелкой крошкой звёзд, дышало. А посередине этого великолепия, гордо сияя, стояла царица ночи — Луна. Её серебристый свет отражался от глади воды, создавая причудливые блики. Воздух был наполнен ароматом багульника и влажной земли, как после короткого летнего ливня, который смывает всё лишнее и оставляет лишь суть.

— Заходи прямо на дорожку света! — послышался приказной тон ба.

Я хотела снять одежду, но она запретила. Мол, надо в ней. Поморщив нос, я, конечно, сделала как она сказала. Позади меня горели три кострища. Пахло смолой и хвоей, так пахли сухие ветки можжевельника и черёмухи, с щепоткой древнего заклинания кочевников. Свет от пламени накинута на меня со спины, и перед глазами на лунной дорожке появилась моя тень.

Я зашла по колено. Холодная вода обняла ноги. Тишину вокруг прервал ритмично зазвучавший бубен. Удары отдавались где-то в моей голове и во всём теле, словно пробуждая что-то глубоко дремлющее в крови. Ба под такт стала что-то напевать. Я ни слова не понимала — сознание поплыло. Огни от костров словно закружились вокруг меня. Я видела их хаотичное движение, и неожиданно они соединились в единое, собираясь в силуэт. Постепенно он при-

обрёл очертание псового животного. Когда удары бубна стали медленнее, передо мной предстала Лиса сотканная из оранжево-красного пламени, она медленно пошла ко мне по лунной дорожке и замерла ровно у моей тени. Посмотрела прямо на меня хризолитовыми глазами, и в них я увидела отражение всех своих страхов и надежд.

Я испугалась. Но шевельнуться не посмела, будто сам дух воды держал меня в своих объятиях, не позволяя нарушить этот ритуал.

Стук бубна притих, и я услышала голос Золзаи: — Смотри, дитя, и запоминай. Это твоя суть и твоя защита. Тебе уготована важная роль. Есть в тебе и светлые, и тёмные грани. Ты — как яркое летнее солнце, всё рождающее свет. И как посланница из Хтони, притягивающая смерть.

Я не понимала, что говорит моя пра. Видение стало расплываться, словно вода, в которую бросили камень.

Я вновь в коридоре. Иду дальше.

И слышу свой голос со стороны: — Баба Аян, я не хочу вас забывать. — Прости, малышка, так нужно.

Я только хотела посмотреть на эту пожилую женщину, как ставни резко отворились, и в комнату влетел холодный свежий ветер. Он закружил вокруг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.